

Проливной дождь обрушился на землю, вспышки молний прорезали небо. Солнечный свет на краю утеса догорел, растворившись в густой тьме дождевой завесы, едва позволявшей что-либо разглядеть. Лишь две черные тени стремительно сходились в яростной схватке.

Наньгун Лин едва сдерживался, несколько раз порываясь вмешаться, но израненное тело, еще не успевшее восстановиться, отказывалось слушаться.

— Нельзя позволить им продолжать. Сяо, помоги мне! Если так пойдет и дальше, ему не устоять против Чу Люсяна.

Я же оставался неподвижен, лишь наблюдая за ним:

— Наньгун Лин, почему ты хочешь помочь ему, а не Чу Люсяну? Разве он не пытался убить тебя? И все же ты стремишься его спасти?

— Я... — он замер, внезапно опустив руки, и лицо его исказилось от боли. — Я не знаю.

— Почему ты говоришь, что не знаешь? Этот вопрос поставил тебя в тупик? — я смотрел, как Ухуа, взмыв в воздух, осыпал Чу Люсяна градом ледяных звезд, словно проливным дождем. Несмотря на ливень, полы его одежд развевались, сохраняя невероятную грацию. — А что, если он снова попытается тебя убить?

— Даже если так... даже если так... он все равно мой брат!

Я ободряюще похлопал Наньгун Лина по плечу, пока тот продолжал свои стенания. Раз уж он сам решил платить добром за зло и, не страшась смерти, продолжает играть роль несчастной жертвы, то что тут еще скажешь? За эти два года я насмотрелся на таких страдальцев, так что стал столь же невозмутим. Я уже собирался вмешаться, но, обернувшись, увидел, что двое бойцов уже закончили свой поединок. Победитель и проигравший определились — похоже, мой эффектный выход не состоялся.

Чу Люсян вздохнул:

— Ты проиграл, но, во всяком случае, проиграл достойно.

Да к черту твое достоинство! Если бы на его месте был я, то предпочел бы проиграть как распустившийся весенний цветок, лишь бы не слышать этой фальши!

Ухуа прошел путь от безумного хохота до слабой улыбки и тяжелой одышки:

— И чего ты от меня хочешь?

О, в этой фразе столько скрытого смысла! Мой зрительский азарт моментально разгорелся.

Чу Люсян ответил:

— Ты знаешь: перед законом все равны, будь ты хоть принц, хоть простолюдин.

Ухуа продолжал сопротивляться:

— Ты действительно собираешься отдать меня другим!?

Подразумевалось: Чу Люсян, ты бессердечный негодяй! Я ради тебя дошел до такой трагической красоты, а ты смеешь бросить меня на произвол судьбы? Или ты нашел новую любовь и забыл старую, желая сдать меня другим, чтобы спокойно гулять на стороне? Как же сладко ты все придумал, но даже если я умру, я не дам тебе, этому паршивому кочану цветной капусты, так просто добиться своего!

Я смаковал эти слова, мысленно снабжая их истинным смыслом для тех, кто понимает. Подобная трагическая и прекрасная любовь, полная взаимных терзаний, поистине заслуживает того, чтобы ею насладиться.

Лицо Ухуа выражало отчаяние, но внезапно он улыбнулся. Эта улыбка, холодная и в то же время утонченная, была исполнена спокойствия, которого я в нем никогда не видел.

— Чу Люсян, как бы то ни было, ты не позволишь таким людям даже коснуться меня!

Сказав это, Ухуа обмяк и повалился на землю.

Вот это да, кульминация!

Чу Люсян бросился к нему, подхватил на руки и, глядя на это бледное, благородное лицо, едва мог вымолвить слово:

— Ухуа... почему же ты такой глупый!

Ухуа улыбнулся и медленно закрыл глаза, позволяя ледяному дождю омывать свое тело, а Чу Люсяну — прижимать себя к груди в отчаянной попытке удержать жизнь.

В этот момент сквозь шум ливня раздался низкий, почти рычащий голос, полный сдавленной ярости:

— Чу... Лю... Сян! Отпусти моего брата!

Под потоками дождя выражение лица Чу Люсяна было не разобрать, но, увидев человека, который еще недавно истекал кровью из семи отверстий, а теперь стоял перед ним целый и невредимый, даже он не смог скрыть крайнего изумления.

— Ты... Наньгун... Лин!?

Чу Люсяну и во сне не могло привидеться, что он снова увидит Наньгун Лина, да еще и живым. Но сейчас он не спал — он держал на руках тело кровного брата своего противника, и, глядя на человека, прошедшего через подобные испытания, Чу Люсян мог лишь горько усмехнуться.

Словно не замечая состояния другого, Наньгун Лин с пустым лицом подошел ближе и осторожно забрал из рук Чу Люсяна изящного монаха в белоснежных одеждах. Глядя на лицо Ухуа, застывшее в подобии сна, он переполнялся чувствами: тоска, привязанность, гнев, скорбь — все сплелось в его глазах, чтобы в конце концов скатиться по щеке единственной прозрачной слезой.

— Наньгун... — Чу Люсян хотел что-то сказать, но понял, что сейчас не время для расспросов.

— Тебе не нужно ничего говорить, — голос Наньгун Лина слегка охрип. Его тело, еще не оправившееся от воздействия страшного яда, едва держалось на ногах, но он продолжал стоять прямо. Не обращая внимания на Чу Люсяна, он повернулся в мою сторону: — Сяо, не мог бы ты взглянуть на моего брата...

Ну вот, наконец-то вспомнили о моих способностях! Я-то стоял в сторонке и размышлял, долго ли мне еще изображать массовку. Не ожидал, что Наньгун Лин так решительно отбросит своего бывшего дружка и переключит все внимание на Ухуа. Чу Люсян, ты проиграл вчистую.

Я медленно подошел. Под пытливым взглядом Наньгун Лина я сосредоточил внутреннюю энергию и слегка ударил ладонью в грудь Ухуа, склонив голову в глубоком раздумье. Хм, сердце не бьется, выглядит как настоящий покойник.

Да уж, выглядит как настоящий... Да чтоб тебя, почему бы тебе не умереть по-настоящему?! Стол перевернуть хочется! Раз человек умер, не мог бы ты остановить кровообращение? Сердце не бьется, а кровь все равно циркулирует? Притворная смерть — это тоже искусство, относись к делу серьезно!

Хорошо, что он встретил меня, и хорошо, что у Чу Люсяна нет привычки таскать трупы повсюду в надежде на воскрешение. Но теперь здесь появился Наньгун Лин, и, чтобы не возникло неприятных сюрпризов, мне придется помочь. Слегка подтолкнув внутреннюю энергию, я направил ледяную силу в меридианы Ухуа, незаметно замораживая все его сосуды, чтобы погрузить тело в состояние глубокой анабиозной спячки.

Закончив, я не остановился: ледяная энергия устремилась к мозгу Ухуа. Здесь я действовал предельно осторожно: если случайно повредить нейрон и сделать из него дурачка, где я потом найду другого лидера праведных сил? Это нужно было лишь для того, чтобы сознание Ухуа не растворилось в хаосе мнимой смерти, а сохранило ясность для моих дальнейших планов.

Спустя некоторое время я убрал руку и покачал головой:

— Я не могу его спасти.

И это правда — я не могу, потому что его, черт возьми, и не нужно спасать! Единственное, что я могу — это поддерживать его в сознательном состоянии, чтобы он проспал несколько дней и не натворил дел, не побежал к своей мамаше Ши Гуаньинь и не разрушил мои планы.

Наньгун Лин, знавший, на что я способен (ведь я вытащил его с того света после отравления Божественной водой), воспринял мой ответ как тяжелый удар. Его лицо стало мертвенно-бледным, он посмотрел на изящные черты брата и тоскливо вздохнул:

— Умер... умер... Ну и пусть, так даже лучше.

Я шагнул вперед, поддерживая его, когда он пошатнулся, и в моем голосе промелькнуло легкое беспокойство:

— Наньгун Лин, ты в порядке?

— Я в порядке. — Он еще бережнее прижал к себе Ухуа. Когда он снова поднял голову, его взгляд был холодным и безжизненным. Глядя на не менее обеспокоенного Чу Люсяна, Наньгун Лин, казалось, перестал заботиться о чем-либо: — Чу Люсян, я знаю, что тебя мучает. Если хочешь, я расскажу тебе историю.

И Чу Люсян услышал историю о прекрасной женщине, которая бросила мужа и детей, чтобы с радостью построить огромный гарем, и спустя десятки лет все так же неустанно собирала в него красивых юношей и мужчин.

Так личность закулисного кукловода — матушки Ши Гуаньинь — была наконец разоблачена. Поистине радостное событие, нечего сказать.

Узнав правду, Чу Люсян распрощался и отправился собирать команду экспертов, чтобы совершить набег на пустыню. Наньгун Лин же выглядел так, будто сам готов отправиться вслед за Ухуа. Я смастерил для его брата ледяной хрустальный гроб и посоветовал этому несчастному парню уединиться где-нибудь здесь — через десяток дней тот сам выберется из ледяного плена. Думаю, с запасом жизненных сил Наньгун Лина он выдержит и это самоистязание.

В конце концов, пока никто не умер — все хорошо. Чем сильнее Наньгун Лин будет терзать себя, тем больше вины и самобичевания будет испытывать Ухуа. А я потом тихонько нашепчу матушке Ши, что Наньгун Лин «выжил», она подошлет пару убийц-статистов, которые сгинут здесь, и когда Ухуа очнется, у него не останется иного выбора, кроме как порвать с Ши Гуаньинь.

А если Ухуа в придачу поможет Чу Люсяну уничтожить Ши Гуаньинь — о, это будет нечто!

Разве это не называется «пожертвовать близкими ради справедливости»? Готовый герой праведного пути, который приносит себя в жертву ради мира в боевых искусствах!

Смертные, трепещите перед моими методами! Ха-ха-ха!

Посчитав, что сценарий «отбеливания» Ухуа готов, я распрощался с Наньгун Лином, который с утра до ночи сидел у могилы Ухуа, напиваясь до беспамятства, и в одиночестве отправился странствовать по свету.

Что самое опасное в странствиях по цзянху?

Я стоял на краю дороги, засыпанной желтой пылью, и наблюдал за очередной разборкой, типичной для местных обитателей, прикидывая шансы на то, что меня сейчас попросят убраться.

Встретить враждующие стороны на дороге — самое невезение не для тех, кто дерется, а для случайного прохожего, которого могут втянуть в конфликт. Быть сторонним наблюдателем в эти дни — опасная работа.

Чан Маньтянь, заместитель главы Бюро охраны Чжэньюань, смотрел на человека, вышивающего посреди дороги, и чувствовал, как внутри него растет тревога. Мужчина был облачен в ярко-красные одежды, а его лицо скрывала густая борода. Он спокойно вышивал иглой черный пион — цветок выглядел как живой, казалось, с него вот-вот упадет капля росы.

Затем Чан Маньтянь понял, что этот человек умеет вышивать не только пионы, но и глаза — тридцать шесть пар глаз.

Красная тень, подобно призраку, металась в толпе, и с каждым ее движением кто-то падал. Игла, словно красная нить, раз за разом пронзала беззащитные цели.

Я мысленно гадал, есть ли какая-то генетическая связь между Цзинь Цзюлином и Дунфан Бубаем. Интересно, скрывается ли под этой бородой такое же демонически прекрасное лицо?

Белый шелк с вышитым ярко-красным пионом мягко опустился на лицо Чан Маньтяня. Бородач в красном расхохотался, убирая иглу — она вылетела прямо из глаз заместителя главы. Его вышивка была закончена.

Восемьсот тысяч лянов серебра перешли к нему, но взгляд Цзинь Цзюлина переместился на меня.

— Друг, хороши ли цветы, что я вышил?

— ...Очень хороши. — Я кивнул. Вышито действительно мастерски, я не из тех, кто завидует талантам. Однако мой взгляд переместился на тот самый шелковый платок, и я добавил с искренней оценкой: — Черный пион был лучше.

Бородач перевернул в руках незаконченную вышивку, посмотрел на нее и, казалось, придал моим словам большое значение:

— Почему? Ведь красный пион выглядит ярче. Или тебе не нравится, что я вышивал его кровью?

— Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду. — Я склонил голову набок, размышляя о связи красоты пиона и крови. Просто мне нравятся черные пионы, вот и все. Жаль, что у Цзинь Цзюлина, похоже, были свои соображения.

— Тогда позволь мне вышить для тебя еще один цветок! — Не успел стихнуть смех Цзинь Цзюлина, как кончиками пальцев он подцепил несколько игл, и в воздухе сверкнули искры.

Я отступил, обнажив Ночной Клинок. Очертив в воздухе зигзаг, я рубанул по летящим красным нитям. Нити порвались, серебряные иглы, сбившись с курса, с глухим стуком вонзились в стволы деревьев у дороги, а бородача отбросило назад мощной волной энергии.

Ночной Клинок мерцал холодным светом. Я слегка повернул запястье, опуская меч к земле, и безразлично посмотрел на него:

— Ты хочешь вышить меня? Зачем? Ведь черные цветы все же красивее.

— Поэтому я и заставлю тебя увидеть это снова!

Цзинь Цзюлин взмахнул красным рукавом, сжимая иглы. Жаль, что его лицо было скрыто такой ужасной бородой, иначе он мог бы сойти за настоящего Дунфан Бубая. Он встряхнул руками, и в воздухе взметнулся платок, из которого вырвалось бесчисленное множество тонких серебряных игл. Красные шелковые нити, продетые в ушки, натянулись.

Небо окрасилось в багровые тона, и красное облако, извиваясь, с немыслимой скоростью устремилось ко мне.

Я с наслаждением наблюдал за этой красотой, вращая Ночной Клинок. Моя фигура, окутанная фиолетовой дымкой, скользнула вперед, и холодный, как лунный свет, блеск клинка разрезал красное облако. Нити порвались, сложившись в кроваво-красный пион.

— Ночной Клинок пронзает Луну!

Я снова развернулся. Фиолетовый силуэт возник прямо перед Цзинь Цзюлином. Кончик клинка взметнулся вверх, на мгновение исчез, а затем в воздухе вспыхнул кровавый узор. Ночной

Клинок замер. Я спокойно убрал его, стоя за спиной человека в красном. С неба, словно лепестки цветов, осыпались обрывки красных нитей. Цзинь Цзюлин, все еще застывший в позе кукловода, внезапно изрыгнул кровь, его тело зашаталось, словно у марионетки с оборванными нитями, а затем он с грохотом рухнул на землю.

Тц-тц, не успел добиться успеха, как уже отправился на тот свет.

Вот видишь, это плоды того, что ты упрямо твердил, будто красный цвет лучше. Я же ясно сказал, что черный красивее. Раз ты посмел оспорить мой эстетический вкус, отправляйся на Небесные горы торговать бобами!

Не обращая больше внимания на поверженного «вышивального вора», я повернулся к тридцати шести ослепленным людям, которые стонали на земле, а затем взглянул на повозку, битком набитую серебром.

Восемьсот тысяч лянов... Мои руки устанут их тратить!

В цзянху разнесся слух: восемьсот тысяч лянов, перевозимых Бюро охраны Чжэньюань, были похищены.

По мере того как я двигался на северо-запад, новость распространялась со скоростью лесного пожара, обрастая невероятными подробностями и превращаясь в настоящий хаос. Серебро принадлежало князю Пиннаню, и Бюро охраны заручилось поддержкой шести великих школ, чтобы обеспечить его сохранность. Теперь, когда груз был похищен, цзянху охватила смута, сделав и без того беспокойный мир боевых искусств еще более хаотичным после событий с Божественной водой и Павильоном Зеленой Одежды.

Репутация Цзинь Цзюлина, некогда слывшего галантным плейбоем и первоклассным сыщиком, опустилась до уровня «извращенного женоподобного существа». Кто может описать всю горечь его положения?

За это время я наслушался N+1 версий истории о тридцати шести слепцах и бородаче в красном. Слухи и домыслы не прекращались.

Поэтому скажу: самое важное для успешного мужчины — иметь правильные хобби. Косплеить главу секты — дело хорошее, но нужно уважать оригинал, а не подделку. Глядя на ту «версию» с бородой, я едва сдерживал рвотный порыв. К чему эти контрасты? Если бы он выбрал образ Тянь Бугу, я бы, возможно, даже проявил милосердие, но эта борода... я просто не выдержал и «чикнул» его.

Как первый поверженный мною «босс», имеющий имя и сюжетную значимость, я чувствовал,

как над моей головой золотом сияет достижение, а в ушах звучит звон растущей репутации.

Если бы я мог пожертвовать те восемьсот тысяч лянов, мои отношения с союзом праведников точно перешли бы из статуса «холодные» в «дружеские», а то и в «уважаемые». Но, увы. Я подбросил в руке кусок серебра и отдал его лодочнику, ступив на роскошную прогулочную лодку у озера.

Мой шаблон «босса» все равно несовместим с союзом праведников, так зачем мне эти очки репутации? Тем более, я не зря носил титул главного «черного» игрока сервера — то, что попало мне в руки, уже не вернуть. Лучше использовать эти средства для развития своего влияния и личных трат.

Кстати, на что мужчина тратит деньги?

Еда, вино и женщины. Вечные развлечения.

Май в Цзиньлине — время пионов.

Я сидел на лодке, попивая вино и наблюдая за бесконечным потоком украшенных лодок, скользящих по изумрудной воде. До меня доносились смех красавиц и нежные звуки цитры и флейты.

Я приехал сюда ради Цзиньлинского конкурса «Пион», который проводится раз в два года. И планировал содержать двух лучших красавиц-победительниц: одна будет играть для меня, другая — подливать вино. Черт возьми, после всех этих интриг и планов я заслужил хоть немного отдыха.

<http://bllate.org/book/21027/2137752>